

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.2.020

УДК 1 (091)

М. Н. Громов*

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

На Руси было несколько определений философии. Наиболее авторитетными были дефиниции Иоанна Дамаскина, содержащиеся в его книге «Источник знания». Одним из первых определений философии было принадлежащее Константину-Кириллу, первоучителю славянскому. Кроме того, определение философии давали Максим Грек, Андрей Курбский, Кариог Истомин и др. Таким образом, на Руси в допетровский период существовало несколько определений философии, которые дополняли друг друга. Позднее они вошли в русскую культуру Нового времени в несколько видоизмененном виде. Однако они существовали в отечественной письменности с самого раннего домонгольского периода.

Ключевые слова: философ, философия, определения философии, Иоанн Дамаскин, Константин-Кирилл Философ, Максим Грек, Карион Истомин.

M. N. Gromov

DEFINITIONS OF PHILOSOPHY IN ANCIENT RUSSIA

In Russia, there were several definitions of philosophy. The most authoritative were the definitions of John of Damascus contained in his book «The Source of knowledge». One of the first definitions of philosophy was that of Constantine-Cyril, the first teacher of the Slavs. In addition, the definition of philosophy gave Maxim the Greek, Andrei Kurbsky, Karion Istomin and others. Thus, in Russia in the pre-Petrine period, there were several definitions of philosophy that complemented each other. Later they entered the Russian culture of the New time in a slightly modified form. However, they existed in the Russian written language from the earliest pre-Mongol period.

Keywords: philosophy, definitions of philosophy, John of Damascus, Constantine-Cyril, Maxim the Greek, Karion Istomin.

Термины «философ» и «философия» известны на Руси с самого раннего периода. Так, в «Изборнике 1037 года» «философом» назван славянский перво-

---

* Громов Михаил Николаевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН; iph@iph.ras.ru

учитель Константин-Кирилл. Наибольшим авторитетом в области философии на Руси был византийский мыслитель сирийского происхождения Иоанн Дамаскин, творчество которого приходится на первую половину VIII в. Он был, как и большинство деятелей прошлого, един во многих лицах: богослов, гимнограф, полемист и вместе с тем профессиональный философ, о чем свидетельствуют его труды, главным из которых является «Источник знания». В первой части труда, условно называемой «Диалектикой», дается шесть определений философии, которые вырисовывают многозначное, полисемантическое понимание данного термина.

Проанализируем эти определения, но не по современному русскому переводу с греческого текста, а по славянорусским рукописям. В одной из наиболее древних, по списку середины XV в. [9], читаем первое: «Философия есть разум сущих, по ему же суща суть, сиречь разум сущих естества», т. е. философия, по первому определению, есть познание сущего и его природы. Второе определение гласит: «И паки философия есть разум божественных же и человеческих, сиречь видимых же и невидимых», т. е. познание мира духовного и материального. Третье: «Философия паки есть поучение смерти, произволительной же и естественной». Подобное представление о философии как размышлении о смерти кажется нам неожиданным. Но ведь мыслитель, ищущий концы и начала вещей, более других людей должен помнить о конечности всего сущего. Под естественной смертью подразумевается биологическое прекращение жизни, под произвольной — сознательный уход из мирской жизни ради сосредоточения в духовной, аскетизм.

Четвертое: «Философия есть уподобление к Богу». Самое краткое, но и самое сложное определение. В Средние века под Богом подразумевали не только божество в религиозном смысле. Бог Средневековья — это и философское представление о субстанции, обладающей тем, что мы называем атрибутами материи, — вечностью, бесконечностью, абсолютным бытием. Одновременно это и своеобразный идеал — максимум всех человеческих способностей, ибо Бог всеблаг, всеправеден, всемогущ, всемудр. Неудивительно, что подобный синтез в одном сверхпонятии необъятности мироздания и высших человеческих качеств, названном Николаем Кузанским «абсолютным максимумом», был столь почитаем в Средние века. Уподобление ему вело от ограниченного субъективизма индивида к безграничности и объективности бытия и настойчивому стремлению к нравственному идеалу поведения.

Пятое: «Философия есть хитрость хитростем и художество художеством, ибо философия есть начало всякой хитрости, тоя бо всяка хитрость обретается и всяко художество». «Хитрость хитростем» переводят иногда как «искусство искусств», что не совсем верно. Здесь более подходит слово «ремесло», или, как пишется в рукописи, «еже руками делаемое». А «художество» понималось как «словесная хитрость», т. е. теоретическое знание, духовное ремесло, подобное грамматике, риторике и другим дисциплинам. Переводится же «художество художеством» чаще всего как «наука наук». Подобное представление о философии как царице знания, вмещающей все познания мира, характерно для древности и Средневековья.

Шестое: «Философия паки есть любление премудрости, премудрость же истиннаа Бог есть, и убо любовь, яже к Богу, сия есть истинная философия». Первый тезис о философии как любви к мудрости восходит к первоначальному античному ее пониманию. Второй — о Боге как истинной премудрости — к библейской традиции. Отсюда следует умозаключение в духе средневековой аксиологии: любовь к Богу как истинной премудрости есть подлинная философия. Данное определение смыкается с четвертым, рассмотренным выше. Для понимания философии в духе Дамаскина важно осмыслить ее и как систему: «Разделяет же ся философия в зрительное и деательное». «Зрительная философия» — это теоретическое знание, а «деательная» — практическое. Первое в свою очередь делится на Богословие, естествознание, математику («богословное, естествовное, учителное»), а второе — на этику, экономику, политику («обычайное, домостроительное, градное»). Эта схема восходит к перипатетической традиции так же, как первое, второе и пятое определения Дамаскина, третье и четвертое определения сходны с мыслями Платона, шестое — Юстина и Лактанция.

Семантика средневековых понятий часто не соответствует современной, а потому требуется тщательный лингвистический анализ древнерусской терминологии. Обратим внимание на то, что название философской части сочинений Дамаскина — «Диалектика» — совершенно не соответствует современному значению термина. Средневековая диалектика понималась как умение пользоваться словами, как способ правильного мышления, как искусство вести диалог, спор, беседу. Поэтому адекватным термином здесь было бы понятие «логика», что обязательно следует объяснять в современной литературе. В древнерусских азбуковниках сообщается следующее: «Диалектика. Толк: двоесловнаго стязания книга» [10]. Это же подтверждает современный лексикографический словарь древнерусского языка, где термин «диалектика» объясняется так: «Наука о логически правильном, искусном построении речи, ведении публичного диалога, прений».

В анализе древнерусской философии полезно использовать опыт изучения европейской средневековой философии, однако необходимо проводить и различие. Известный тезис о философии как служанке богословия (*philosophia ancilla theologiae*), принятый на латинском Западе и насаждавшийся в католических университетах, не вполне применим к Древней Руси по ряду причин. Во-первых, философия и богословие как дисциплины не преподавались в восточнославянских краях по крайней мере до конца XVI в., когда возникают на Украине и в Белоруссии первые коллегииумы, а затем Острожская и Киево-Могилянская академии. В XVII в. в Московской Руси начинается преподавание и вместе с ним конституирование теологии и философии как самостоятельных теоретических дисциплин.

И, во-вторых, что самое главное: следует оценивать реальное положение дел прежде всего исходя из анализа подлинных свидетельств первоисточников, а не по общим, нередко стереотипным рассуждениям. Обратимся вновь к схеме Дамаскина, согласно которой богословие есть лишь малая часть философии, составляющая один из трех видов умозрительной философии.

Философия на Руси как вид духовной деятельности была значительно шире богословия. Она должна была подчиняться религиозной господствующей идеологии, но не богословию как отдельной теоретической дисциплине, которое само было частью философии. Такова была исходная формула, которую никто не отменял во все века древнерусской истории.

Вместе с тем классификация Иоанна Дамаскина, ставшая наиболее авторитетной для всего православного мира, не была застывшей схемой. Она осмыслялась, уточнялась и дополнялась в соответствии с веяниями времени.

В XVI в. князь Андрей Курбский, находившийся в эмиграции в западно-русских землях, бывших под властью Речи Посполитой, предпринял попытку вновь перевести труд Иоанна Дамаскина. За основу было взято базельское печатное издание. В традиционную систему Дамаскина в соответствии с лагинской схемой семи свободных наук была вставлена дополнительная расшифровка математики как совокупности квадривиума, состоящего из арифметики, музыки, геометрии, астрономии.

Перевод Курбского не опубликован, сохранилось лишь несколько экземпляров рукописей. Одна из них хранится в Государственном историческом музее [11] и содержит весьма любопытные глоссы (заметки на полях) с объяснениями наук: «Физеолоика — о вещах естественных, от земли и моря исходящих и от прочих стихии»; «Мафематик — яже во четырех науках искусен» и др.

Труд кружка Курбского не был удачен, он не получил столь широкого распространения, как древнеславянский, о чем свидетельствует количество списков того и другого, а также степень цитирования, использования фрагментов, ссылок на них. Подобное обстоятельство весьма важно для историка философии и культуры, ибо оно говорит о влиянии тех или иных идей, об их распространенности и авторитетности.

Существенному видоизменению определения Дамаскина подверглись в том же XVI в. под пером московского митрополита Даниила, давно уже известного в литературе как один из колоритных писателей и полемистов, но совершенно неизвестного как философ. Между тем скорее всего именно он является автором интереснейшего философского сочинения «О философии внимай разумно, да не погресиши». Наиболее ранний список его содержится в рукописи 1543 г. из Иосифо-Волоколамского монастыря.

В этом сочинении к шести определениям Дамаскина добавлены еще три, сам же текст увеличен примерно втрое за счет благочестивых сентенций в нравственно-аскетическом плане. Начинается он словами:

В посте и в жажде, и в воздержании и в чистоте и целомудрии и в упрзнении и в безмльвии и болезнми и труды и молитвами и слезами и с страхом Божиим начало положим. Философия любомудрие по словеньскому тлькуется языку. Философия Божие дело есть и мысль непрестанная к Богу...

Даниил разделяет «плотское мудрование» и «мудрость духовную», лишь вторую считая истинной. Он страстно призывает:

Всяческий потщимся духовно жити и духовно любопремудрьствовати, и душеполезнаа и спасенаа творити, и глаголати, и съветовати, и въспоминати,

в прилично и в подобно время, в мнозе смиренумудрии и умилении, к душевней ползе и спасению, сиа есть истиннаа философия... [12]

Эмоционально-взволнованные излияния Даниила разительно отличаются от четкого и аналитического стиля Иоанна Дамаскина, но сочинение русского автора стало весьма популярным.

При анализе древнерусской философской терминологии обращает на себя внимание разнообразие слов, оборотов, выражений, связанных с терминами «мудрость» и «философия». Рукописи дают интереснейший материал. В них можно встретить такие слова и словосочетания: «мудреглумление», «мудре-шеперание», «мудрословие», «мудряти» — для обозначения ложной, много-словной, пустословной мудрости; «мудрование», «мудровати», «мудролюбие», «мудролюбец», «мудрок» — для обозначения подлинной мудрости и истинных мыслителей. В древнерусских текстах встречаются и непривычные словосочетания: «мудрозрительный», «мудролюбезно», «мудроправительство», «мудросуждение», «мудрохрабрый» и т. д. Искуснейшего мудреца могли назвать «философ в философех», «премудрый философ», «всех философее».

Возвращаясь к представлениям о философии, бытовавшим в древнерусской среде, заметим, что кроме развернутой и наиболее авторитетной классификации философского знания, предложенной Иоанном Дамаскиным, существовали и другие определения философии. С самого раннего периода в славянской письменности распространилось определение философии, приписываемое Константину-Кириллу, великому славянскому просветителю, прозванному Философом. Ему принадлежит не только первая на славянском языке дефиниция философии [17], но и самое создание совместно с братом Мефодием «первой философской терминологии на славяно-болгарском языке, включающей такие общие понятия и категории, как естество, свойство, сущность, природа, вселенная, закон, бытие...»

Определение Кирилла содержится в пространном его житии, которое приписывается рядом исследователей ученику первоучителя Клименту Охридскому. Оно представляет ответ юного подвижника, прошедшего курс обучения, в т. ч. философского, при дворе византийского императора, вопросившему его логофету, первому министру двора:

Он же хытрим умом рече тогда: божиам и человека(м) вешем разум, елико может человек приближити ся Бозе, яко Детелию учить человека, по образу и по подобию сътворшему его [13].

Исследователи отмечают сходство данного определения со вторым и четвертым определениями Дамаскина, а также с платоновской идеей о приближении к Богу и библейской идеей о сотворении человека по образу и подобию Бога-творца [18]. Автор жития подчеркивает глубокую приверженность Кирилла к философии и возводит ему в заслугу лаконизм определения: «в малех словесех велии ум сказав».

Понимание философии, присутствующее в житии Кирилла, не сводится только к данному определению. Оно расшифровывается и как любовь к Софии Премудрости, безраздельное служение истине, высокий духовный подвиг. По-

казательна в этом плане ключевая III глава жития, где описывается, как в юные годы подвижник сознательно избирает Софию, блистающую своей неземной красотой. Здесь проступает эстетическое содержание мудрости, высшая красота истинного знания. Подлинную мудрость можно не только уважать умом, но и любить всем сердцем. И житие славянского первоучителя разворачивает панораму его жизни как беззаветное служение истине, с которой он обручился в юности.

Понимание философии в духе Кирилла широко распространено в древнерусской культуре. Известно свыше пятидесяти списков его жития, в основном русских. На его авторитет часто ссылаются древнерусские авторы, а его определение философии присутствует в различных сборниках, азбуковниках, других рукописях составного характера. Определение Кирилла, как и определение Дамаскина, творчески перерабатывалось на русской почве. Расширенная русская редакция выглядит таким образом:

Блаженный Коньстантин Философ, вопросим быв от (с)холастика логофета Варасихия Киарта, что есть философия, отвеча и рече: философия есть страх Господень; философия есть добродетельное житие; философия есть отбежание от всякаго греха; философия есть отлучение всего мира; философия есть любовь непрестанная к Богу; философия есть божиим вещем и человеческим разум благосмотрелив и елико человек может благими делы приблизитися к Богу, яко Детеле учит его, по образу и по подобие быти сотворшему [14].

В современной Болгарии высоко чтут создателей славянской письменности, торжественно отмечая их память 24 мая каждого года. Именем Климента Охридского, одного из основоположников древней славянской литературы и видного мыслителя раннего Средневековья, назван Софийский университет. Древнерусская культура тесно связана с болгарской, в т. ч. в области философского знания, потому и нам не мешало бы почаще вспоминать тех, кто стоял у истоков нашего мышления и пользовался высоким уважением в течение многих веков.

Совершенно самостоятельным выглядит определение философии, которое дал крупнейший мыслитель XVI в. Максим Грек в письме к боярину Федору Карпову, одному из просвещенных вельмож того времени:

Философская бо вещь священна велми есть и поистине божествена без малого чего, о Бозе бо и правде Его и во вся приходящим непостижимом Его промысле прилежнише повествуе, аще и не во всех получает, зане божественаго вдохновения яко же божественен пророцы не причастись. Целомудрия ж и кротость, и мудрость хвалит и всяко ино благоуукрашение нрава законополагает, и гражданство составляет нарочито, и совокупльша рещи, всяку добродетель и благость вводит в сем свете [15].

Афонский книжник восхваляет философию, подчеркивает ее нравственно-воспитательную функцию, миссия философа в обществе им ставится выше царской: «От нюду же и от древних некии рече: болши ми благотворит житие сие философ муж, нежели царь благий».

В «Слове на латинов», полемическом сочинении, содержащем критику католического вероучения, Максим Грек, описывая «училища италийские»,

приводит характерное для средневековой идеологии разделение философии на «внутреннюю» (христианскую) и «внешнюю» (языческую). Христианскую философию, предназначенную для спасения души, он, разумеется, ставит выше, но не отрицает и «внешнюю», как древнюю античную, так и современную ему возрожденческую, считая ее полезной «для выработки правильной речи, к изощрению и направлению мышления», т. е. носящую не аксиологический, а инструментальный характер.

В XVI–XVII вв. появляется много различных книг, содержащих разнообразные сведения о философии, в т. ч. ее определения. В это же время начинается ее преподавание в школах, коллегиях, академиях. Даже в литературе для начального обучения присутствуют любопытные сведения на этот счет. Например, в «Малой грамматике», приписываемой Кариону Истомину, видному просветителю второй половины XVII в., дано следующее определение философии:

Философия нарицается мати мудростей, понеже та учит о вещах несотворенных, яко о Бозе отчасти, а сотворенных пространнейши, яко что есть человек и како дышит и глаголет, и растет, и разумеет [16].

Одним из путей развития философской мысли была афористическая литература, в яркой, образной, лаконичной форме обсуждающая наиболее важные для человека проблемы его бытия. Этот путь философствования был широко распространен на Руси, он представлен многочисленными сборниками афоризмов, сентенций и поучений. В наиболее представительном из них — «Пчеле» — содержатся интересные мысли о мудрости, философии, пользе учения, приписываемые авторитетам языческой и христианской культуры: «Филон. Мудрость надо всеми добродетelmi царствует. Един же мудрок свободен есть и цесарь, еще и тысяща есть владык тела его»; «Василий Великий. Мудрость есть художество божественных и человеческих вещей и сих виновным». Встречаются и анонимные изречения с большим философским смыслом: «Делатель землю мягчит, а философ — душу».

Рассмотренные определения философии не исчерпывают всего богатства различных о ней представлений, распространенных в древнерусском обществе. Однако их вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод о несомненном существовании в Древней Руси философского знания, о многообразных путях его развития, о полисемантичности термина «философия» в древнерусском языке [4]. Под философией понималось не только привычное для нас понятийно-логическое осмысление бытия и сознания. Философия понималась и как умение выражать в художественно-пластической форме наиболее важные для человека проблемы его существования; и как практическое служение избранному идеалу; и как совокупность теоретического и практического знания; и как жизнестроительное учение; и как всеохватывающая мудрость, высшее ценностное содержание всей совокупности знаний о мире и человеке.

Подобные представления о философии, характерные для древности и Средневековья, могут показаться современному профессионально ориентированному философу слишком расплывчатыми и широкими, но для того времени они являются наиболее адекватными. Философия была делом не узкого

круга профессионалов, а всего народа, творческим осмыслением философских по своей сути проблем наиболее видными его представителями в самых разнообразных сферах культуры, что отразилось во всем объеме богатейшего древнерусского наследия.

Подчеркивая своеобразие древнерусской философии, необходимо вместе с тем отметить ее сходство с европейской средневековой философией, византийской и балкано-славянской культурой, тесные контакты с западной философией, особенно усилившиеся в XVI–XVII вв. Типологически древнерусская философия может быть отнесена к средневековой православного типа, характерной для феодального общества, имевшей свои устойчивые признаки и эволюционизировавшей в пределах X–XVII вв.

После основного текста добавим несколько соображений. Библия переводилась по частям. Сначала был переведен Новый завет и несколько книг Ветхого. Полный же перевод Библии был осуществлен лишь в конце XV в. по инициативе новгородского архиепископа Геннадия. Содержание ветхозаветных книг становилось известным древнерусскому читателю через Паремийник (сборник фрагментов из Библии), Палею (толкование ветхозаветных сюжетов), патристическую и иную литературу.

Особенно популярной книгой была Псалтырь, содержащая 151 псалом (согласно православному канону), приписываемый легендарному библейскому царю Давиду и другим авторам.

После Азбуки и Часослова она стала на Руси следующей обязательной для изучения книгой. Вместе с тем Псалтырь была не сухим учебником, а ярким поэтическим произведением, оказавшим глубокое воздействие на всю средневековую культуру и даже на поэзию Нового времени. Известны поэтические переложения псалмов, принадлежащие перу Симеона Полоцкого, Тредиаковского, Ломоносова, Державина, Шевченко, русских поэтов-символистов начала XX в.

Различают Псалтырь богослужебную, гадательную и толковую. Богослужебная была переведена еще славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием. Гадательной пользовался уже Владимир Мономах. Самая же обширная Псалтырь с толкованиями была полностью переведена лишь в первой половине XVI в. специально прибывшим для этого в Москву афонским книжником Максимом Греком. Кроме Толковой Псалтыри на Руси постепенно переводятся и другие толкования: на Апостол, Апокалипсис и другие части Библии. Толковые книги представляют собой важный источник философско-символического содержания, в них содержится интерпретация многих символов, образов, сюжетов средневековой идеологии и культуры.

В составе Библии есть немало книг с философским содержанием. Ветхий завет, согласно Иерониму Блаженному, делят на четыре части: законную, историческую, премудростную и пророческую. К премудростным книгам относят «Премудрость Соломона», «Премудрость Иисуса, сына Сирахова», «Екклезиаст», «Притчи Соломона». К жанру философских диалогов причисляют «Книгу Иова». Онтологические и гносеологические идеи содержатся преимущественно в Ветхом завете, составляющем три четверти Библии. В Новом завете ярко выражена нравственно-этическая проблематика.

Творения отцов церкви пользовались наивысшим авторитетом интерпретаторской и учительной литературы. Сочинения Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия Кесарийского, Ефрема Сирина, Афанасия Александрийского, Иоанна Лествичника, Иоанна Дамаскина и многих других представителей патристики постоянно переводились, распространялись и почитались на Руси начиная с древнейшего периода.

К числу ценных в философско-онтологическом плане источников следует отнести Шестоднев, пространно истолковывающие сюжет о сотворении мира, содержащийся в Книге Бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Бычков В. В. Древнерусская эстетика. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.
3. Гавриил (Воскресенский). История философии. — СПб.: СПбДА, 2013.
4. Громов М. Н. Изборник 70. — Тверь: Альфа-пресс, 2013.
5. Иоанн Дамаскин, св. Точное изложение православной веры. — Ростов-н/Д; Приазовский край, 1992.
6. Кусков В. В. История древнерусской литературы. — М.: Высшая школа, 1977.
7. Лихачёв Д. С. История русской литературы. — М.: Просвещение, 1979.
8. Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. — СПб.: Наука, 1987.
9. Рукопись сер. XV в. ГБЛ. Троиц. — Ф. 304. I. — № 176. — Л. 36–37.
10. Рукопись XVIII в. ГПБ Солов. 20/20. — Л. 31.
11. Рукопись кон. XVI в. ГИМ. Хлуд. — № 60.
12. Рукопись 1543 г. ГБЛ. Волок. — № 490. — Л. 10 об. — 12 об.
13. Рукопись посл. четв. XV в. ГБЛ. МДА. — Ф. 173. — № 19. — Л. 367 об.
14. Рукопись втор. пол. XVII в. ГИМ. Синод. — № 107/54. — Л. 412 об. — 413.
15. Рукопись сер. XVI в. ГБЛ. Волок. — № 488. — Л. 182–182 об.
16. Рукопись кон. XVII в. БАН. П. 1. Б. — № 105. — Л. 30 об.
17. Schütz J. Konstanins Philosophie und seine Bestallungsurkunder als Philosoph // Wiener slavistisches Jahrbuch. — 1985. — P. 89–98.
18. Ševčenko I. The Definition of Philosophy in the Life of Saint Constantine // For Roman Jacobson. — The Hauge, 1956. — P. 449–457.